

О ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Г. СТАНКЕВИЧ

Обращение к диалогу вряд ли кому-то покажется новым, но следует признать, что исследование этой категории по-прежнему таит в себе возможности новых открытий и удивлений. Можно согласиться с Ф.Е.Василюком, который замечает, что «творческий потенциал этой парадигмы... оказался настолько велик, что превзошел все самые смелые ожидания» (Василюк, 1997, с.14). Плодородная почва диалогического взаимодействия – как взаимодействия целительного – во всем своем многообразии представлена в современной психотерапии и психологии. Но все, когда-то и кем-то признанное и оцененное, со временем становится обыденным, теряющим свою функциональность. Психотерапевтический диалог оказался растворенным в самой же психотерапии. Растворившись в ней, диалог наполнил взаимодействие психотерапевта и клиента всей палитрой отношений *Я – Ты*. Но как процесс рождения нового в отношениях психотерапевт-клиент – рождения отношений «человек-человек», «личность-личность» – эта категория, в глубине своей бытийной сущности, остается не исчерпанной.

Межличностное взаимодействие между клиентом и психотерапевтом по праву стало занимать центральное место в понимании психотерапии. На смену идее *воздействия* психотерапевта на клиента пришла идея их *взаимодействия*. Именно взаимодействие и те отношения, которые устанавливаются между психотерапевтом и клиентом, стали рассматриваться как основное содержание психотерапевтического процесса. Практически все методы современной психотерапии ориентированы на оптимизацию этого взаимодействия, что считается условием достижения основной цели – позитивных изменений в клиенте. Ряд авторов стал рассматривать *встречу* клиента и психотерапевта, а также их диалог как важное, значимое *событие* в пространстве психотерапии. При этом, в большинстве подходов внимание исследователей по-прежнему привлечено к двум основным полюсам психотерапевтического взаимодействия: полюсу *клиент* и полюсу *психотерапевт*. В этой

ситуации само *взаимодействие* теряет свою диалогическую суть. Если же фокус внимания переместить с первого на второе, то обнаруживается относительно самостоятельное пространство, которое образуется при встрече двух личностей, столкновении двух разных опытов. Оно особым образом организовано и «живет» по своим законам. Диалог психотерапевта и клиента – это то время и место, где и когда происходит образование новой реальности, уникальной в своей ситуативной значимости.

Содержание и структура этой реальности, все, что в ее границах происходит, является, с нашей точки зрения, достойным предметом исследования.

Из чего образуется диалогическое пространство? Из реплик, взглядов, переживаний, мыслей, ощущений, жестов – и многого другого, в чем, так или иначе, проявляется присутствие участников диалога. Анализ этих проявлений позволяет выделить в них четыре основных аспекта: субъективный *образ* отраженной ситуации, ее переживание (*эмоции*, которые испытывают участники), телесные *ощущения*, возникающие в процессе диалога, *ценность* ситуации диалога (отношение к происходящему, его значимость в контексте жизни). Существенным является то, что при условии взаимодействия (в противовес воздействию) психотерапевта и клиента, переплетение всех проявлений их присутствия во всех перечисленных аспектах создает одновременно и пространство диалога, и пространство психотерапевтического действия, или *операциональное поле* психотерапии.

Образ ситуации, эмоции, телесные ощущения и ценность ситуации образуют некую субъективную позицию (терапевта или клиента), в которой находит отражение многоплановость внутренних процессов личности. В своей целостности и единстве эта позиция рассматривается нами как *смысл*. Именно смысл, с нашей точки зрения, является интегрирующей *единицей опыта* личности. Поэтому уникальная ситуация его проявления непосредственно в процессе диалога не только не должна быть упущена, а, напротив, – тщательно изучена, а также использована как место и время рождения нового целостного смысла. В обыденном диалоге смысл фрагментарен, поскольку внимание участников фиксируется лишь на отдельных его частях, что неизбежно влечет за собой потерю целостности пребывания человека в ситуации диалога. Психотерапевт при помощи соответствующих техник может содействовать формированию целостного смысла ситуации. Смысл оказывается не только единицей опыта, но и *операциональной единицей* психотерапевтического процесса.

«Собирание» смысла в обновленное целое и его включение в общий контекст жизни и развития клиента становится главной задачей психотерапевта. Основная же цель диалога в процессе психотерапии – смысловая интеграция опыта личности.

Диалог психотерапевта и клиента, сообразный этой цели, отличен от обыденного. Достижение данной цели возможно лишь в том случае, если диалог становится в известном смысле управляемым, направленным на формирование единого смыслового понимания, и из обычного подспорья превращается в основное средство *взаимоизменения* и *взаиморазвития* обоих участников диалога. Поэтому о нем можно говорить как о *развивающем* диалоге.

Из всего вышесказанного рождается следующее определение: диалог – процесс управляемого речевого взаимодействия людей, нацеленный на установление единого смыслового пространства, результатом которого является осознанное изменение его участников. Развивающий диалог выступает как метод организации психотерапевтического процесса, имеющий свои принципы и свою специфику.

Несмотря на многообразие проявлений личностного присутствия, основная канва диалога формируется из взаимонаправленной речи партнеров. В контексте развивающего диалога специфические речевые паттерны понимаются нами как *речевые стратегии* психотерапевта и клиента. Анализируя речевые стратегии клиента, психотерапевт получает представление о том своеобразии, с которым последний представляет свой опыт. Структурируя собственные речевые стратегии, психотерапевт получает доступ к управлению диалогом.

Таким образом, вопрос о месте и значении диалога в психотерапевтическом процессе может быть предметно рассмотрен в контексте нескольких проблемных областей. Первая из них касается понимания смысла как *единицы опыта* личности, а также *операциональной единицы* самого психотерапевтического диалога. Вторая – *смысловой интеграции опыта* личности, выступающей целью диалога. Третья проблемная область – создание *диалогического пространства* и принципы организации *развивающего* диалога. Четвертая затрагивает конкретизацию *средств* осуществления развивающего диалога и управления им в процессе психотерапии, то есть речевых стратегий.

СМЫСЛ – ЕДИНИЦА ЛИЧНОСТНОГО ОПЫТА И ОПЕРАЦИОНАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА РАЗВИВАЮЩЕГО ДИАЛОГА

Вступая в то совместное событийное пространство, которое создается диалогом, участники привносят в него свой опыт, выступающий в качестве «строительного материала» будущей работы. Все последующее, чему суждено состояться между психотерапевтом и клиентом, пространство, которое они совместно примутся создавать, определяется тем, что каждый из них привнесет из своего опыта. Формируясь во взаимодействии человека с миром, опыт представляет собой организованную и целостную структуру, исходный материал которой составляют жизненные события. При этом, ситуация жизненного события, даже в том случае, когда человек находится наедине с собой, протекает в

форме реального диалога с другим – внутреннего диалога, который всегда оппозиционен: *Я-Ты, Я-неЯ*. Событие отражается человеком целостно и включается в структуру опыта во всей полноте отношений *Я-Ты-Здесь-Теперь*. Такие компоненты активного присутствия в диалоге, как образ ситуации, комплекс телесных ощущений, эмоциональное состояние и значимость (ценность) происходящего события, взятые в их целостности, рассматриваются нами как смысл, который и принимается за единицу опыта личности.

Смысл имеет свой предмет и функцию. Предмет, выступая в качестве объекта размышлений, воспоминаний, фантазирования и обсуждения, представлен единством смысловых частей. Функция отражает отношение человека – пассивное или активное, позитивное или негативное – и становится постоянно действующим вектором, определяющим его поведение в тех или иных ситуациях. Смысл в своей предметной целостности и функциональной направленности «сворачивает» событие, проявляясь затем в разные моменты жизни человека: он может выступать для него опорой в понимании самого себя или служить основой, необходимой для того, чтобы предъявить собственную позицию в общении с другим. Происходящие с нами события «притягивают» к реальности наличной ситуации определенные части нашего опыта, те или иные его единицы, или смыслы. Последние своим живым присутствием изменяют и самый характер проживаемого в данный момент события, определяя наши переживания, мысли, действия «здесь и теперь».

Однако, находясь целиком в ситуации диалога с другим, человек, как правило, не способен отразить себя и другого с достаточной полнотой. Его сознание избирательно. Оно направлено либо на *Ты*, либо – на *Я*. Кроме того, им вычленяются лишь наиболее очевидные аспекты субъективного присутствия и себя самого и другого. Между тем, как уже было сказано, смысл формируется и существует только как целостная единица, а это значит, что определенные его части упускаются из поля сознания, несмотря на то, что находятся в непосредственной связи с тем, что осознается. Отсюда вытекает вывод, что смысл представляет собой целостную организацию осознаваемых и неосознаваемых единиц субъективного пребывания в ситуации. Отсутствие целостности в осмыслении события, как в ситуации диалога, так и в опыте личности, обуславливает внутриличностную несогласованность, которая может проявляться в форме различной психологической и соматической симптоматики. В то же время, исследование и обретение полноты смысла делает человека способным реально изменять себя и свою жизнь, так как смысл «...сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности» (Бахтин, 1979, с.361).

В силу своей диалогической природы, смысл во всей его полноте может быть обретен только в диалоге, где каждый имеет возможность сказать и быть услышанным, понять и быть понятым. Такого рода

возможность реализуется лишь при условии, если слушание партнера по диалогу активно, то есть если оно презентует *ответный смысл*. Как отмечает М.М.Бахтин, «смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом... Актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам» (*там же*, 1979, с.350). Если в обыденной жизни такие минуты взаимного слушания и понимания относительно редки, то в психотерапевтической реальности то и другое призвано стать закономерностью. Но осознать полноту опыта, изменить его и заново интегрировать можно лишь в условиях управляемого оперирования смыслом в специально организованном диалоге. Именно поэтому смысл и выступает не только как единица опыта, но и как *операциональная единица* психотерапевтического процесса.

Входя в пространство психотерапевтического диалога, его участники вступают во взаимодействие, где оживают реально не представленные в данный момент жизненные ситуации, в которых отражен пережитый опыт. Происходит соприкосновение живого опыта – ощущений, чувств, мыслей и ценностей – клиента и психотерапевта. В этих условиях смысл выступает как *универсалия* психотерапевтического диалога, посредством которой клиент может выразить себя и значимые моменты своего опыта, полно прожить ситуацию общения с психотерапевтом и обнаружить происходящие в себе изменения. Человек «становится не вещью, а смыслом» (*Василюк*, 1997, с.22) с его способностью вобрать в себя всю полноту жизни и сообщить, передать ее другому.

Встреча с психотерапевтом становится событием, где предметное и функциональное содержание смысла обнаруживается, во-первых, для себя самого, а во-вторых, для другого. В диалоге, как известно, создаются особые условия принятости, безопасности, благодаря чему вскрываются новые, не обнаруженные ранее или утерянные грани смысла. Встретившись в совместно созданном пространстве, обнаружив себя в нем, освободившись от оков однозначности, клиент и, что следует уже признать, психотерапевт, возвращаются к самим себе измененными. Условия психотерапевтического диалога не только клиенту, но и психотерапевту позволяют стать «не вещью, а смыслом», то есть осмыслить свой опыт и сделать новый шаг в направлении к его большей целостности.

СМЫСЛОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ КАК ЦЕЛЬ ДИАЛОГА

Как уже отмечалось, сила смысла – в целостности, представленной единством таких частей, как перцептивный образ ситуации, телесные ощущения, эмоции и ценности, а смысловая интеграция опыта личности достигается вместе с установлением связи между данными частями. Смысл не есть нечто застывшее. Активность внутреннего диалога придает

осмысленность и диалогу внешнему. Застывшее, ограниченное, ригидное взаимодействие с миром отражает подобное же взаимодействие человека с самим собой. И, наоборот, застывшее, ригидное, ограниченное взаимодействие внутренних частей личности не позволяет внешнему диалогу развернуться во всей возможной полноте и осмысленности. Подобное взаимодействие может выступать как повторяющееся, циклическое, болезненное пребывание в диалоге жизни. Оно проявляется в навязчивых мыслях и действиях, беспокоящих чувствах и т.д. Подобная цикличность есть вынужденная повторяемость в попытке достижения человеком целостности. Вступая в диалог с клиентом, психотерапевт в таких случаях сталкивается с частичным, ограниченным его присутствием в ситуации, когда человек с трудом обнаруживает реально переживаемые им чувства, мысли, ощущения. Помогая в этом несмелом обнаружении своих реальных переживаний, «нащупывании» их, психотерапевт начинает оживлять застывший внутренний диалог клиента, способствуя более осмысленному его пребыванию в диалоге жизни.

Подлинное *присутствие* в ситуации диалога с другим начинается с вхождения в пространство *Я-Ты*, в котором необходимо обнаружить себя (Я), другого (Ты), сопутствующие элементы пространства данной встречи (Здесь) и временные составляющие (Теперь). Все это – предпосылки *перцептивного образа диалогической ситуации*. Последняя реально представлена во всей своей полноте, однако субъективное формирование образа носит характер апперцепции, проявляющейся в избирательно акцентированной интерпретации ситуации «Я-Ты-Здесь-Теперь». Субъективное сужение и искажение ситуации диалога в восприятии участников требует, чтобы через полноту ее отражения было обретено его относительное единство. В обыденной жизни этому моменту почти не уделяется внимания, чем зачастую обуславливается напряженность присутствия «сторон» в диалоге. В условиях психотерапии установление полноты отражения может выступать формой организации и коррекции целостного присутствия клиента в контакте с психотерапевтом, а также самокоррекции психотерапевта. Следовательно, реальная ситуация диалога, представленная перцептивно, становится стимулом, побуждающим внутренние процессы как психотерапевта, так и клиента.

Следующей частью, выражающей смысловое присутствие в диалоге с другим, выступает *комплекс телесных ощущений*, которые представлены как обобщенный образ тела и как сочетание отдельных конкретных ощущений. Человек скорее обнаруживает свое телесное пребывание в диалоге, когда он ощущает неудобство занятой позы либо дискомфорт, а то и боль в той или иной части тела. В этом случае сознание, фиксируясь на конкретных ощущениях, сужается. В результате, теряется целостность тела, с одной стороны, и целостность восприятия ситуации диалога – с другой. В случае отсутствия дискомфортных ощущений человек, порой, вообще утрачивает чувство телесного присутствия в ситуации, смещая

внимание на другие аспекты диалога. В психотерапии распространена ситуация, когда, спрашивая клиента о телесных ощущениях, психотерапевт в ответ слышит «не знаю», «не могу определить», «как обычно», «ничего особенного» и пр. Тем самым явно демонстрируется отсутствие осознаваемого контакта с собственным телом, что свидетельствует и о нарушениях целостности внутреннего диалога. В процессе диалога, когда терапевт направляет внимание клиента к его телесным ощущениям, клиент обнаруживает в себе богатейшую их палитру, что становится для него не только источником удивления, но и возможностью расширения опыта присутствия в реальности. При этом полнота новых ощущений восполняет бедность внутреннего диалога и делает клиента более открытым и сензитивным по отношению к происходящим внутренним изменениям. Фиксирование подобных изменений выступает в качестве механизма оживления не только внутреннего, но и внешнего диалога.

Локализация, интенсивность, качество телесных ощущений – самостоятельная область исследования. Это как раз те элементы, которые делают осязаемой реальность собственного присутствия в диалоге со стороны как психотерапевта, так и клиента.

Эмоция как следующая часть в структуре целостного смысла представляет собой своеобразный индикатор включенности в диалог. Живое эмоциональное реагирование человека в ответ на постоянно меняющиеся жизненные ситуации – один из показателей его активного присутствия в этих ситуациях. Может показаться, что эмоция – элемент, который без особого труда обнаруживается в диалогической ситуации. Однако это не так. Когда некая отчетливо выраженная в текущий момент эмоция называется и конкретизируется, она ускользает, следы ее присутствия стираются. Эмоция оказывается как бы вне осознания личности и более того – обретает самостоятельность, возникая в самые неожиданные моменты. Резкая смена настроения обычно говорит о действии таких блуждающих, «неопознанных» эмоций, развитие и проявление которых подчинено собственной внутренней логике. Обнаружение эмоциональных переживаний, их фиксирование, осознание и детализация составляют комплекс необходимых психотерапевтических действий. Целенаправленные действия в диалоге с клиентом позволяют не только конкретизировать эмоцию, но и найти то место, которое она занимает в смысловом освоении ситуации. Процесс такого обнаружения и нахождения места эмоции в структуре смысла нередко наталкивается на барьеры, и поэтому требует длительного времени. Клиент отмечает не только сложность конкретизации, но и трудность самого обнаружения эмоции: «Не могу понять, что со мной происходит», «Я никогда над этим не задумывался», «Мне трудно сказать, что это» и т.д. Трудности в исследовании эмоции связаны, прежде всего, с отсутствием у клиентов опыта продуктивной рефлексии, а помимо этого – с особенностями

структуры самой эмоции. Возникая в результате контакта человека с действительностью, эмоция впервые проявляется в онтогенезе как переживание, связанное с телесными ощущениями. Присутствие человека в ситуации диалога с другим человеком, так же как и предшествующая этому длительная социализация в онтогенезе, формирует оценочный характер эмоции, связанный с ценностями личности. Сочетание переживания (комфорт-дискомфорт, приятно-неприятно) и оценки (хорошо-плохо, правильно-неправильно) составляет содержание эмоции. Отсутствие контакта клиента с собственным телом влечет за собой трудность обнаружения переживания, а неспособность к ценностному самоопределению обуславливает затруднения в оценочном действии. Развитие человека в социуме характеризуется постепенным отходом от установки «то, что для меня комфортно, то и хорошо». Это нередко становится причиной рассогласования, раскалывающего эмоцию надвое: «Мне хорошо, но это плохо» или «Мне дискомфортно, но это хорошо». Эмоция становится диссоциированной, когда одна из ее частей остается в поле сознания, а другая оказывается упущенной. Чаще всего именно такого рода диссоциация и становится препятствием обнаружения эмоции в ее целостности, позволяя ей оставаться ускользающей, размытой и беспокоящей. Исследование обеих частей эмоции активизирует эмоциональное самопроявление клиента и подводит его к пониманию связи эмоции с другими частями смысла.

Связующим звеном общей смысловой структуры является *ценность ситуации*. Вопрос ценностных ориентаций личности всегда страдал некоторой абстрактностью. Пытаясь конкретизировать ценности, мы, в конечном итоге, приходим, как правило, к стереотипам житейской психологии. Любая попытка как-то прояснить и уточнить субъективную ценность текущего момента, то есть момента диалога с другим, приводит к тому, что она (ценность) вообще теряется, а вопросы, направленные на ее обнаружение, порой, не вызывают ничего, кроме недоумения. Такого рода трудности объяснимы: определить, или обнаружить, ценность собственного присутствия в сиюминутной реальности неизбежно сталкивает нас с необходимостью осознания смысла не только текущего момента, но и жизни в целом. Обращение к столь сложному для любого человека вопросу неизбежно уводит его из конкретной реальности в область абстрактных рассуждений. Именно поэтому в процессе психотерапии исследование ценностей клиента, как правило, наталкивается на противодействие. Ответить на вопрос: «Что ценного для Вас сейчас происходит?» – значит обнаружить не просто субъективную ценность ситуации, но и ценность самого себя в ситуации диалога. Практика показывает, что обнаружение себя как ценности – одна из самых трудных проблем клиентов в психотерапии. Обнаружить ценность самого себя – значит, представить себя как ценность для другого. Именно этот момент зачастую является наиболее фрустрирующим в межличностных

отношениях. Фрустрация, связанная с актуализацией себя как ценности, наталкивается, с одной стороны, на ограничения, которые диктуются ценностными предписаниями, а с другой, – на необходимость действовать ради того, чтобы выйти за рамки этих ограничений. Ситуация требует действий, направленных на принятие ответственности за нарушение границ «Я должен». Это сложная задача, так как ее решение связано с преодолением устойчивых детских стереотипов, направленных на подтверждение родительских ожиданий. Представить себя как ценность значит – объявить независимость от другого, обнаружить свою автономию, одновременно и желанную, и пугающую. Возможность определить ценность ситуации в диалоге с психотерапевтом открывает перед клиентом путь к утверждению собственной самостоятельности относительно данного события. Открытие самостоятельности в предъявлении себя составляет предмет той ценности, которой наделена ситуация диалога с психотерапевтом, а возможность обнаружить результат самостоятельных действий – функция этой ценности.

Представим себе условный диалог. Психотерапевт: «Что самое важное для вас в данный момент?» – Клиент: «То, что я спокоен». – Психотерапевт: «Что Вы делаете, когда спокойны?» – Клиент: «Я легко обращаюсь к Вам с любым вопросом». Здесь представлены как предмет, так и функция, сочетание которых делает ценность одновременно и принимаемой и активной. Работа с составляющими ценности позволяет установить диалогический контакт с эмоциональной оценкой события, приводит к расширению перцептивного образа ситуации и опосредованно – меняет телесное самоощущение в меняющейся ситуации диалога.

Рассматривая структуру смысловой целостности как функциональный комплекс, куда входят перцептивный образ, телесные ощущения, эмоции и ценности переживаемой ситуации, мы получаем возможность – представить полноту личностного присутствия. При установлении диалогического контакта клиента с каждой частью смыслового пребывания в ситуации, а также их внутренней связью, мы добиваемся наполнения (оживления) не только наличной диалогической ситуации, но и того отрезка опыта личности, содержание которого сопряжено с реальностью текущего момента.

Связывание жизненного опыта воедино во всем многообразии его смысловых оттенков осуществляется как процесс интеграции осознаваемых и неосознаваемых моментов. При этом «неопознанные» образы, ощущения, эмоции, ценности должны найти свое место в структуре того смысла, которым наделен конкретный отрезок опыта. Подобным образом достигается цель диалога – интеграция смысла, которая подготавливает интеграцию опыта личности.

Интеграция смысла, а, следовательно, и опыта в целом не есть результат случайности. Хотя в жизни бывают моменты, когда нечто подобное происходит само собой, наличие таких инсайтов можно считать,

скорее, исключением, чем правилом. В психотерапии, где подобное «чудо» должно быть не только ожидаемым, но и прогнозируемым, диалог смысловых частей устанавливается в ходе постоянных и направленных переключений с одной из них на другую, из одного режима в другой. В работе с телом, например, распределение и переключение внимания клиента, сопровождающееся периодическим фиксированием, применяется в случаях исследования и снятия боли, поиска источника внутреннего дискомфорта, при формировании ощущения телесного удовольствия и пр. Разнообразные комбинации телесных ощущений позволяют находить доступ к другим сторонам смыслового пребывания личности в диалоге. Порой одного лишь установления связи между ощущениями, сопутствующими данному моменту, и восприятием ситуации диалога оказывается достаточно, чтобы клиент осознал природу тех трудностей, с которыми он сталкивается в жизни. При этом происходит не что иное, как установление диалога между образом ситуации и телесными ощущениями. Аналогичным образом устанавливается диалог и между другими структурными составляющими смысла.

Этот специально организованный диалог, направленный на формирование единого смыслового пространства, а, в конечном итоге, на взаиморазвитие клиента и психотерапевта, мы называем *развивающим*. Он выступает как метод организации психотерапевтического процесса.

РАЗВИВАЮЩИЙ ДИАЛОГ КАК МЕТОД ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Трудно найти нечто новое в устоявшейся конструкции «Я-Ты-Здесь-Теперь», отражающей универсальную природу диалога. Но если в этой конструкции видеть не жесткую сцепку указанных элементов, отвечающую лингвистическим представлениям о «реальности», а неограниченное количество порождаемых между ними и внутри них связей, как это представлено в психической реальности, то обнаружится, что возможности изменения «Я» и «Ты» практически безграничны. При таком взгляде на диалог динамичное взаимодействие психотерапевта и клиента становится естественной основой продуктивных личностных изменений, которые, по сути, и являются целью психотерапии. Однако эта естественная основа не возникает сама по себе, она – результат встречи двух людей, встречи, имеющей свою логику, цель и содержание.

Психотерапевтическая ситуация, представленная как диалог «Я» и «Ты» психотерапевта и клиента, образует уникальное пространство. Участники психотерапевтического диалога входят в него с разными целями, ожиданиями, разным опытом, но, войдя в это общее диалогическое пространство, они оказываются, в некотором смысле, слиты. «Психотерапевтический процесс начинается мыслиться не как взаимодействие, сочетание, связь двух букв, например *м* и *ы*, а как жизнь целостного слова *Мы*, которое не разлагается на части без потери смысла» (Василюк, 1997, с.17). Однако, на мой взгляд, эта слитность двух

субъективных пространств относительна. Психотерапевт остается психотерапевтом, а клиент – клиентом. При всей естественности диалога, их позиции, так или иначе, различаются не только в силу того, что они разные люди и роли их различны, но и в силу неодинаковых возможностей видения себя и другого в ситуации. Поэтому очень важно, чтобы позиция психотерапевта, с одной стороны, обеспечивала эту слитность, но, с другой, позволяла ему управлять диалогом, осуществлять свои профессиональные функции.

В процессе работы психотерапевт, придерживаясь профессиональных требований, занимает отстраненную по отношению к клиенту позицию или противоположную ей позицию «вживания» в психологический опыт последнего. Тем самым психотерапевт как *личность* с его субъективными переживаниями и психологическим опытом выпадает из ситуации диалога, уступая место ролевой персоне «психотерапевт». Однако, оставив одну часть и потеряв другую, невозможно сохранить ту целостность присутствия, благодаря которой создается естественность диалога. Хочется присоединиться к замечанию М.Кана, который утверждал, что «терапевтов нужно учить не технике или группе техник, а способам самораскрытия, способствующего, во-первых, приобретению опыта их клиентами, а во-вторых, – собственной спонтанности. Эта спонтанность способна раскрыть их собственный – особый, идиоматический путь передачи сочувствия в данный момент» (Кан, 1997, с.133). Та отстраненность, которая нередко диктуется профессиональной позицией, или, напротив, эмпатийное «вживание» лишают психотерапевта спонтанности присутствия. Он просто вынужден не обнаруживать себя для клиента и себя – для себя. В подобной ситуации психотерапевт остается вне изменений, а значит, и вне развития, лишая тем самым возможности развития и клиента. Организация развивающего диалога предоставляет психотерапевту обе возможности, позволяя ему целостно присутствовать в диалоге и, не теряя своей профессиональной функциональности, управлять им. Такое совмещение становится возможным при следовании двум основным принципам развивающего диалога: принципу реальности и принципу диадической открытости¹.

Принцип реальности. Если мы рассматриваем психотерапевтический диалог как встречу двух реальных людей, то эта реальность должна быть *обнаружена*, причем, обнаружена не только для психотерапевта, но и для клиента. Обнаружить реальность значит – проявить, сделать явным чувство, состояние, отношение, посредством которых выражается наше непосредственное присутствие в диалоге с другим, и найти то же самое у другого. Диалог приобретает свой потенциальный развивающий эффект только в реальных действиях его участников, то есть в процессе

¹ Применительно к развивающему диалогу нами разработан ряд принципов (среди них – принятия, ситуативного следования, функциональности, цикличности и пр.), однако основополагающими являются принципы реальности и диадической открытости.

взаимодействия *здесь* и *теперь*. Действительный же эффект развития достигается тогда, когда самое взаимодействие становится предметом внимания участников диалога, как бы превращаясь из фона в фигуру.

Условно можно описать определенную *этапность* этого взаимодействия: я отражаю твое присутствие (воспринимаю тебя), я отношусь к тебе (переживаю конкретные эмоции по отношению к тебе), я обращаюсь к тебе (вербально и не вербально направляю себя к тебе); ты отражаешь меня, ты относишься ко мне, ты обращаешься ко мне. Одновременно с этим внешним процессом протекает другой, внутренний процесс: я отражаю свое присутствие (воспринимаю себя), я отношусь к себе (переживаю конкретные эмоции по отношению к себе), я обращаюсь к себе (вербально и не вербально направляю себя к себе); ты отражаешь свое присутствие, ты относишься к себе, ты обращаешься к себе. Пошаговое взаимодействие в ситуации *здесь* и *теперь*, управляемое психотерапевтом, открывает несколько областей реальности для каждого из участников диалога. И клиент и, в не меньшей степени, психолог имеют возможность реально обнаружить себя и другого в разных соотношениях: себя – для другого (в обращении к собеседнику и представлении ему себя); себя – для себя (каким я сейчас предстаю в собственных глазах); другого – для себя (каким ты предстаешь в моих глазах); другого – для другого (каким, как мне кажется, ты предстаешь в своих собственных глазах). В этом случае вся полнота реальности вскрывается не только психотерапевтом (при условии, что он владеет необходимыми навыками профессиональной рефлексии), но и клиентом, который получает возможность не только обнаружить себя для психотерапевта и себя – для себя самого, но и психотерапевта – для себя, а также психотерапевта для самого психотерапевта. Возникает особая профессиональная ситуация реальной пошаговой представленности психотерапевта и клиента Друг Другу (я отражаю тебя, я отражаю себя, я отношусь к тебе, я отношусь к себе, я обращаюсь с тобой, я обращаюсь с собой) в разных реальностях диалога (я для себя, я для тебя, ты для меня, ты для себя). Подобным образом создается новая реальность – реальность развивающего диалога. За счет последовательных переключений из одной области в другую диалог между психотерапевтом и клиентом приобретает не только необходимую динамику, но и свой развивающий эффект. Возможность подтверждать и спрашивать, убеждаться, сомневаться и разочаровываться, получая и отдавая *свое* и *твое* отражение, создают естественную основу психотерапевтических изменений. Обращение к той или иной области этой реальности в тот или иной момент взаимодействия выступает в качестве психотехнического приема, помогающего и клиенту, и психотерапевту наиболее полно осознать целостность своего присутствия и изменить поведение в ситуации диалога, то есть создать основу для собственного изменения, а, следовательно, и развития.

В ответ на фразу клиента «Вы понимаете, я совершенно выбит из

колеи!» психотерапевт может прореагировать по-разному, направляя диалог в ту или иную область реальности. Ответ «Почему Вы решили, что я это понимаю?» направляет клиента в область «психотерапевт для меня» и побуждает анализировать значение собственного приписывания. «Мне кажется, Вы хотите убедить меня в своей беспомощности» позволяет клиенту направить свое внимание на область «я для психотерапевта» и проанализировать характер собственной презентации другому. «И сейчас, когда вы это говорите, с Вами что-то происходит...» направляет клиента к себе самому (область «я для себя») и побуждает анализировать проявившийся смысл, и т.д.

В процессе психотерапии нередко можно наблюдать, как клиент «уплывает» из ситуации, «погружается» в себя. Несмотря на то, что в такие моменты он уходит от действительности, обращаясь к своему опыту в попытке оживить пережитые ощущения, образы, эмоции, и реальность его присутствия в ситуации диалога ослабевает, для психотерапевта эти минуты необычайно ценны и значимы не только в профессиональном, но и личностном плане. Однако уже в следующий момент возникает необходимость вернуть клиента в ситуацию реального диалога, чтобы он получил возможность понять, что происходит с ним *сейчас*, и как это связано с его ожившим опытом. В этом случае такие обращения психотерапевта, как «Вы слышите (видите, воспринимаете) меня?», «Как Вы думаете, что сейчас со мной происходит (что я чувствую)?» и др., обеспечивают возможность возвращения клиента в реальность текущего момента, без ущерба для реальности *там* и *тогда*. Той же цели служат и вопросы типа: «Я вижу, что Вы сейчас что-то обдумываете (я нахожусь здесь и вижу, что с тобой нечто происходит)», «Я чувствую внутреннее напряжение, когда слушаю Вас сейчас (я тоже живой, со мной нечто происходит, когда что-то происходит с тобой)», «Скажите мне, что Вы сейчас делаете (прояви себя, чтобы я смог тебя обнаружить)».

Только реальное присутствие психотерапевта в целостности его личностного и профессионального опыта создает реальные условия для столь же полного личностного присутствия клиента. Необходимое чувство защищенности создается в подобном случае панорамным видением ситуации и пластичностью перехода из одной позиции в другую (от *Я* – к *Ты*). При этом открытое пространство диалога демонстрирует клиенту привычные для него модели поведения, которые в обыденной жизни оставались не осознанными, и позволяет обнаружить иные его ракурсы. Так, фиксация клиента на области «я для тебя», проявляющаяся во фразе «Вы понимаете, как мне сейчас тяжело», означает: я жалуясь тебе и жду от тебя помощи. Возможно, подобная форма поведения является привычной для клиента. В обыденном диалоге она предполагает ответную форму «*другой для меня*», которая может проявиться в наличии или отсутствии сочувствия. Когда же психотерапевт переключает внимание на иную область диалогического взаимодействия, например

«психотерапевт для клиента», говоря «Мне кажется, что Вы сейчас себя жалеете» (попробуй взглянуть на себя моими глазами), клиент получает возможность занять иную позицию в диалоге – позицию *другого*.

Возможность переключаться с одной области диалогической реальности на другую позволяет изменить видение и понимание своих действий, реакций, поведения в целом. Такого рода переключения образуют основу ситуативных изменений клиента и психотерапевта, которые, при условии их обнаружения и принятия, могут стать основой более глубоких изменений личности. Но здесь возникает один вопрос, который нельзя оставить без внимания. Он состоит в следующем: если психотерапевт, владеющий технологией развивающего диалога, легко обнаруживает и принимает как собственную динамику, так и динамику клиента, то последний, при всей очевидности своих реакций, далеко не всегда проявляет готовность сразу же включить происходящие с ним изменения в канву собственного развития. Словом, чаще всего он остается «закрытым» для изменений. С нашей точки зрения, существует одно необходимое условие, стимулирующее открытость клиента для нового опыта. Это – равенство диалогических позиций психотерапевта и клиента. Только в том случае, когда открыт для изменений психотерапевт, открытость возникает и у клиента. Иначе говоря, реальность присутствия в диалоге и клиента, и психотерапевта составляет хотя и необходимую, но еще не достаточную основу для реализации его развивающего аспекта. Это присутствие должно быть *явным* как для психотерапевта, так и для клиента, что достигается на основе принципа диадической открытости.

Принцип диадической открытости. Реальность диалога может быть сформирована, но она может быть утаена, как это нередко случается в обыденной жизни. Реализация принципа диадической открытости предполагает обнаружение этой реальности, как для психотерапевта, так и для клиента. В обычном психотерапевтическом процессе, где явно наличествуют две роли – психотерапевта и клиента, второй оказывается более открытым для первого, поскольку психотерапевт профессионально владеет некоторыми способами «просчитывания» клиента. Если за спиной клиента – только его собственный жизненный опыт, то за психотерапевтом – наука и опыт профессиональной деятельности. Уже эта относительная, если не мнимая, открытость психотерапевта клиенту существенно затрудняет естественность диалога. Однако, на наш взгляд, еще больше затрудняет диалог полная закрытость психотерапевта для клиента. Выше уже говорилось, что обеспечить изменение и развитие в клиенте психолог может только ценой собственных изменений и собственного развития в диалоге. В этом случае можно говорить об его ответственности, как перед клиентом, так и перед самим собой. Быть открытым для психотерапевта – значит быть способным воспринимать то, что с ним происходит, то есть быть достаточно «прозрачным» для себя самого, оставаясь в то же время достаточно зрелым и профессиональным,

чтобы уметь сообщить об этом клиенту: обнаружить себя – для себя, и себя – для клиента. Подобная открытость – условие целостного присутствия в диалоге и осознанного развития, условие *экологичности* профессиональных действий.

Здесь неизбежно возникает проблема личностной защищенности психотерапевта – один из актуальных вопросов профессиональной экологии. Возможно, именно возникающие в связи с ним опасения заставляют психотерапевтов цепко держаться за панцирь своего профессионализма, позволяющий ему оставаться закрытым и отстраненным во взаимодействии с клиентом. Но, пожалуй, ничто так не обнажает, как стремление быть скрытым. Как нам кажется, именно в профессиональной закрытости заложена угроза диссоциативности переживаний, которая может служить деформирующим фактором в нашей профессии. Надо учитывать, что создаваемая в диалоге территория *Мы* – экологична по своей природе, ибо все, что там происходит, там и остается. И вместе с тем, все, что происходит там с каждым из участников во внутреннем плане, может быть взято с собой: из психотерапевтического диалога – в реальный жизненный диалог. И в этой ситуации каждый ответственен за то, с чем он возвращается в свою жизнь. Принцип диадической открытости обеспечивает естественный ход изменений, предоставляя возможность говорить и спрашивать о себе, говорить и спрашивать о другом (тебе), реально открывая себя – для себя, себя – для другого, другого – для себя и другого – для другого.

Всеми своими действиями по отношению к клиенту психолог стремится к наиболее полному его раскрытию. Но эти действия совершаются психологом-человеком, и поэтому он исходит не только из профессионального видения ситуации, но также из своих личных переживаний, чувств, мыслей, т.е. целостного своего присутствия в диалоге. Полное принятие клиента, подтверждение его ценности, порой, бывает «убаюкивающим». В этом случае могут потребоваться действия, «пробуждающие» клиента. И это не обязательно должны быть провокации в стиле Ф.Фарелли, но просто реальные действия, в которых психотерапевт проявляет свою личностную позицию относительно того, что в данный момент происходит. В случае, когда клиент произносит реплику «Вы знаете, мне трудно сейчас говорить об этом», а психотерапевт отвечает «А мне сейчас достаточно легко, и я готов продолжить наш разговор», клиент из того состояния, в которое он был погружен, буквально «вылетает» в реальность, обнаруживая право другого на иные мысли и чувства. Конечно, это весьма не эмпатичная, но зато живая фраза, и она может стать «мостиком» (в данном случае – достаточно жестковатым), предоставляющим возможность клиенту выбраться из внутреннего тупика. Фраза психотерапевта «Сейчас, когда Вы об этом сказали, у меня сжалось горло», также позволяет клиенту ощутить присутствие живого человека, способного на сочувствие не по

профессиональной необходимости, а потому, что он способен к реальному сопереживанию. Кроме того, эта фраза позволяет обнаружить и сопоставить характер телесных ощущений, что уже само по себе весьма ценно.

Клиент обнаруживает себя в реальности и становится открытым тогда, когда и психотерапевт находится в реальности и проявляется для клиента как реальный партнер по диалогу. Такая профессиональная позиция делает более осмысленным, не игровым и не условным как самый диалог, так и присутствие в нем клиента.

Поскольку наиболее полно опыт вообще и отдельно взятый смысл могут быть актуализированы через слово, именно речь в развивающем диалоге приобретает особое значение, выступая в качестве основы для формирования конкретных психотерапевтических действий.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В СМЫСЛОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

В развивающем диалоге психотерапевта и клиента устанавливается общее языковое поле, в котором встречается, исследуется и изменяется разная смысловая реальность. Смысл актуализируется в речи и может быть представлен как одним словом (парадигмой), так и словосочетанием (синтагмой). Стараясь выразить в слове смысл, человек «озвучивает» в диалоге свое внутреннее состояние. Воплощение смысла в речи есть, во-первых, акт обнаружения себя и опредмечивания своего присутствия, а во-вторых, – действие, направленное на то, чтобы быть услышанным и понятым. В своем обращении, через некое языковое значение (означающее), человек устанавливает связь (контакт, отношение) с внутренней структурой своего целостного смыслового присутствия (означаемым) и проявляет свою позицию для установления диалога с Другим. Другой, воспринимая обращение, интерпретирует его через посредство содержания своего опыта, через структуру своих смыслов. Озвученный смысл, таким образом, имеет двойную направленность: на себя и другого, *Я* и *Ты*. При этом любой из участников диалога может дифференцировать обращение, как по его лингвистическому содержанию, так и по характеру пробуждаемых ассоциаций. В первом случае устанавливается, *что* именно говорится, во втором – *как* это отзывается в каждом из участников диалога.

Характер «озвучивания» смысла и характер интерпретации услышанного определяются, в частности, языковым опытом участников диалога. Можно сказать, что любое оперирование смыслами носит глубоко индивидуальный языковой характер. Создаваемая в психотерапевтическом диалоге территория *Мы* (поле языка) позволяет проводить анализ кодирования смысловых единиц при проговаривании и анализ их декодирования при слушании. С профессиональной точки зрения, в образовавшемся пространстве речь становится и средой, и средством изменения личности. Но подобная специфика приобретается

речью лишь при условии комплексного подхода к ней как живой субстанции личностного присутствия. Будучи индивидуальной по своему характеру, речь имеет ряд фонетических, семантических и синтаксических особенностей, в которых проявляется личность. Так же, как и поведение человека в целом, речевое поведение образует устойчивые стратегии, которые представляют оптимальные варианты действий, направленных на достижение цели. Вступая в диалог, каждый, в той или иной мере, преследует цель понять (познать) себя через общение с другим и быть понятым (познанным) другим через общение с собой. Достижение диалогического понимания осуществляется в ходе взаимной «подстройки» индивидуальных речевых стратегий. В обыденном диалоге ощущение понимания достигается зачастую в результате получения ожидаемых стратегий поведения, а не истинного формирования целостного смысла, диктуемого ситуацией в единстве внешнего и внутреннего диалога. Между тем, речевые стратегии имеют куда более мощный потенциал и как средство выражения мысли и как объект анализа. Поэтому они и становятся «материалом» для построения психотерапевтического пространства – объектом исследования и средством изменения клиента и психотерапевта. В ходе развивающего диалога психотерапевт постоянно работает в двух основных режимах: анализа речевых стратегий клиента и конструирования собственных речевых стратегий. В первом случае психотерапевт исследует характерные особенности речевого общения клиента с другими и особенности его диалога с собой (внутри себя). Во втором – психотерапевт направляет всю свою активность на оживление застывших диалогических каналов как в межличностном, так и внутриличностном пространстве клиента.

Речевая стратегия – это комплексное, целенаправленное языковое поведение, имеющее индивидуально-типическую форму, которая служит вербализации смысла. Применительно к развивающему диалогу, она суть не что иное, как основной инструмент психотерапевта. Присущая ей специфика определяется индивидуальным языковым опытом и особенностями интерпретации личностного присутствия в диалоге. Речевые стратегии могут проявляться в отдельной фразе или в комплексе фраз, сходных по своему содержанию, структуре и форме. Их анализ и конструирование происходят на всех уровнях речевой представленности: семантическом, синтаксическом и экспрессивно-фонетическом.

На *семантическом* уровне могут производиться анализ и самое конструирование содержания речевых стратегий. Он проявляется в наиболее часто повторяемых словах и устойчивых словосочетаниях. Содержание позволяет ориентироваться в теме разговора, а в развивающем диалоге служит обозначению конкретной области опыта или части смысла. И отдельные слова, и их сочетания представляют собой весьма интересный объект для анализа, как в ассоциативном, так и в этимологическом аспектах.

На синтаксическом уровне речевые стратегии представлены в своей структуре, которая проявляется в специфике построения предложений. Части предложения проясняют центральный объект, форму его активности, а также направленность действий, оставаясь не просто речевой сферой, но отражая специфику поведения личности в повседневных ситуациях и непосредственно в текущем диалоге. Особый интерес представляет здесь анализ упущенных частей предложения.

Экспрессивно-фонетическое оформление фразы позволяет при анализе выявить наиболее акцентированные содержания в речи клиента, а при конструировании – акцентировать центральную мысль в речи психотерапевта. Экспрессия проявляется в ритмике, паузах, высоте, тембре голоса и др., что и оттеняет важнейшее содержание. Фонетика представлена в специфическом звучании – акцентировании шипящих, свистящих, рычащих звуков, совокупность которых образует своеобразие речи и позволяет проявиться различным поведенческим тенденциям: агрессивным, успокаивающим, убаюкивающим, вялым, активным и т.д.²

Анализируя лингвистическое содержание речевых стратегий, психотерапевт получает доступ к пониманию той психической реальности, которая скрывается за ними. Собственно психологический анализ может производиться на тех уровнях, о которых уже говорилось выше; в плане презентуемой реальности («там и тогда» или «здесь и теперь»), области реальности (я для тебя, ты для меня, я для себя, ты для тебя); актуализируемой части смысла (образ ситуации, телесные ощущения, эмоция, ценность); демонстрируемого этапа взаимодействия (отражение, отношение, обращение). В зависимости от полноты и насыщенности фразы или их комплекса, первичный анализ может быть более или менее полным, позволяя тем самым психотерапевту получить разной глубины представление об особенностях индивидуального смысла клиента. Речевые стратегии психотерапевта также представляют собой отдельные фразы или комплексы фраз, объединенные единой целевой направленностью – актуализацией целостного смысла ситуации. Задача психотерапевта – управление исследованием смысла, так как именно в процессе этого исследования происходит осознание всей возможной его полноты. Каждая отдельная фраза психотерапевта позволяет направлять это исследование к еще не актуализированному смысловому содержанию ситуации. Конструируя свои речевые стратегии, психотерапевт, как и в условиях анализа, может работать в различных планах: направлять диалог в реальность «там и тогда» или фиксировать его в реальности «здесь и теперь»; переводить диалог в одну из областей этой реальности (я для тебя, ты для меня, я для себя, ты для тебя); связывать проявленную часть смысла с какой-либо из остальных его частей или, напротив, изолированно ее исследовать; акцентировать иные, нежели это было представлено в речи клиента, этапы взаимодействия, что существенно

² Естественно, следует исключить из анализа явные органические и физиологические дефекты речи.

оживляет реальный диалог.

В диалоге с психотерапевтом клиент нередко выстраивает свои речевые стратегии, наполняя их избыточным содержанием. В таких случаях психотерапевт оказывается перед выбором – с чего начинать анализ, т.е. что сделать объектом исследования. Ориентация на экспрессивный уровень речевой стратегии помогает проявить рабочую тему. Она обнаруживается в паузах, интонационном подчеркивании, в повышении громкости речи. Концентрируя внимание на семантическом уровне, психотерапевт открывает предлагаемую клиентом тему (содержание), различая в ней план реальности и план проявленных или скрытых частей смысла. Синтаксический уровень также содержит в себе специфические средства, позволяющие конкретизировать значимую для клиента область реальности.

Рассмотрим речевую стратегию клиента, представленную во фразе: «Вы знаете, в *последнее* время я не чувствую интереса к жизни». Экспрессивный уровень показывает, что клиент фиксируется на времени и на сравнительной позиции «раньше» и «теперь». Семантический уровень открывает тему «интереса к жизни», которая может иметь разное значение в реальности «здесь и теперь» и в реальности «там и тогда», то есть за пределами диалога с психотерапевтом. В семантике также актуализирована эмоциональная часть смысла – «не чувствую», что, соответственно, указывает на ее фиксацию и возможную изоляцию от других его частей. Синтаксический уровень проявляет, во-первых, область реальности «я для тебя» («Вы знаете... я...»), буквально: «Я демонстрирую тебе свое сложное состояние». Во-вторых, здесь проявляется и фиксируемый этап взаимодействия – отражение, поскольку «не чувствую» в данном контексте буквально означает «не нахожу», «не обнаруживаю», «не отслеживаю».

Ответные речевые стратегии психотерапевта могут быть избирательно направлены на конкретизацию и анализ одного из четырех планов, добиваясь переключения клиента и достигая тем самым изменения ситуации, а также расширения возможностей ее осознания. В связи с особым акцентом клиента на временной составляющей, психотерапевт может сконструировать примерно следующую фразу: «Значит ли это, что в *данный* момент Вы также не чувствуете интереса к жизни?» Используя эту речевую стратегию, психотерапевт обращает клиента к реальности «здесь и теперь» и побуждает его уже в этой реальности попытаться определить наличие или отсутствие обозначенного чувства. Другая фраза «И в каком состоянии Вы находитесь, когда не чувствуете интереса к жизни?» нацелена на конкретизацию и расширение эмоциональной составляющей смысла. А фраза «Вы знаете, сейчас я ловлю себя на том, что не очень хорошо понимаю, что значит «потерять интерес к жизни» перемещает внимание клиента с области «я для тебя» на область «другой для себя». Это переключение позволяет не только

изменить собственную позицию клиента в восприятии ситуации, но и включить в свое понимание позицию психотерапевта. Для того, чтобы клиент открыл для себя процесс отражения, психотерапевт может сконструировать фразу «А как Вы обнаруживаете, что не чувствуете интереса к жизни?»

В рассмотренных примерах мы не ставили целью показать технологию развивающего диалога – это тема отдельного обсуждения. Основной целью было проиллюстрировать логику построения речевых стратегий и показать возможность управления диалогом. Очевидно, что любая из предложенных фраз, находясь вне контекста живого диалога, не может продемонстрировать в полной мере развивающие эффекты речевых стратегий психотерапевта. В реальном диалоге эти эффекты также достигаются в ходе целого ряда переключений и требуют достаточно длительного времени. Мы лишь попытались показать, что любая фраза психотерапевта может «отправить» клиента в любую часть весьма обширного диалогического пространства и поистине необъятного пространства личного опыта. В том случае, если психотерапевт не осознает и не контролирует многообразия этих возможностей, психотерапевтический процесс становится хотя и более спонтанным, но менее прогнозируемым.

Исследуя диалогическую природу психотерапевтических изменений, мы рассмотрели ряд проблемных областей, каждая из которых сама по себе представляет важный объект исследования. Однако именно их соотнесенность позволяет, с нашей точки зрения, представить тот потенциал, который заложен в категории «диалог». Это и способность диалога быть условием развития, и его значение в преодолении деформирующих факторов в профессии психотерапевта, и природная технологичность, которая не противоречит естественности его протекания, и многое другое. Понимание психотерапевтического диалога как *развивающей среды* позволяет психотерапии вернуться к изначальному ее смыслу – исцелению человека человеком посредством слова. В древних русских мифах и сказках часто повторяется сюжет, в котором герой погибает и разрубается на части. Однако всегда находится Некто, приносящий живую воду, благодаря чему герой восстанавливает свою целостность и возвращается к жизни обновленным. В психотерапии речь, как живая вода, помогает найти путь к исцелению. Развивающий диалог позволяет человеку восстановить нарушенную целостность жизненного смысла и вернуться к себе самому, в свою старую – новую жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. – М.: 1979.
Василюк Ф.Е. *На подступах к синергийной психотерапии*. // Московский

психотерапевтический журнал, 1997, № 2.

Кан М. Между психотерапевтом и клиентом: новые взаимоотношения. Санкт-Петербург, Б.С.К., 1997.

Станкевич Г.Л. Метод телесно-смысловой интеграции в профилактике психосоматических расстройств. / Современные направления психотерапии и их клиническое применение. Материалы Первой Всероссийской учебно-практической конференции по психотерапии. – М., 1996.

Станкевич Г.Л. Развивающий учебный диалог в профессиональной подготовке учителя. – Автореф. канд. дисс., М.: 1997.